

по бокам въезда и выезда, как часовые стоят старые высоченные липы со сломанными грозями верхушками. Лип всего четыре, и они давно хотят в отставку. В одном месте этих бескрайних лугов виднеется роща из нескольких старых, вековых дубов с ветками, обломанными молниями, и дубового подлеска, прикрывающего развалины монументального здания из красного, большого, добротного обожжённого кирпича – разрушенная помещичья усадьба какого-то древнего дворянского рода. Над уцелевшей аркой, некогда парадных въездных ворот, красуется незамысловатый герб этого обедневшего рода – на щите, в центре – гончая, держащая во рту вальдшнепа, а в левом верхнем углу – щит малый с крестом в центре... и тишина вокруг.

Эту божественную тишину нарушили шаркающие шаги. По улице, явно в направлении одинокого домика, неуверенным шагом шёл неопрятно одетый мужчина, лет сорока. Взъерошенная копна светлых волос одуванчиком красовалась на его довольно крупной голове. Под мышкой он держал свёрток сделанный из мятой газеты. В нём было что-то тяжёлое и круглое, оно постоянно пыталось выскользнуть из-под мышки вместе со свёртком. Карманы его потёртого, давно не чищенного пиджака, округло и упруго топырились. Всем своим видом, человек указывал на то, что шёл в одинокий дом по делу. И дело это, у него, было неотложным, о чём говорили его неустойчивое состояние и сизый нос. Конечно, это событие вряд ли было кем-то замечено, разве что проходившей мимо худой собакой с грустным взглядом. Человек двигался, как заведённая кукла и не о чём не помышлял. Но знал бы этот человек, какое неожиданное событие из разряда «чудес» его ждёт, то он бежал бы в припрыжку в этот дом! А не тащился бы, озабоченным старым гусем...

Часы на старой башне, стоявшей в центре городка, чуть слышно пробили семь раз. В городке всё пробудилось и задвигалось, шум суеты сует заговорил и стал понятен всем – городок проснулся и живёт...

Но окраина, ... здесь всё по-другому. В доме со спорным номером 13, спал высокий молодой человек на стареньком диване с круглыми подголовниками под зелёным сукном. Ноги «длинного» не любили один из кругляшей дивана и постоянно сваливали